

Антимилитаризм. Был ли он ясно понят?

Пётр Кропоткин

Ноябрь 1914 года.

В том, что анархисты разделились в своем отношении к войне, вреда ведь нет. Напротив, можно быть уверенным, что по мере развития событий и по мере нашего углубления в отдельные аспекты наших учений, которые до сих пор принимались более или менее на веру, будет развиваться и единство наших мнений. Жаль только, что эти дискуссии начинаются сейчас, когда опасность, угрожающая Франции и Бельгии, должна быть решена совместными усилиями всех, в меру сил и возможностей каждого, и анархисты могли бы показать, что они не только понимают ситуацию в стране, но и проявляют свою инициативу в момент, когда страна переживает такое бедствие, как мы переживаем сейчас.

Я думаю, что одним из пунктов, который необходимо пересмотреть, является слишком большая уверенность во всеобщей забастовке как способе предотвращения войны. Впервые введенная в качестве средства для провоцирования или начала социальной революции, общая забастовка была рекомендована позднее как средство предотвращения войны; в течение длительного времени не замечали противоречие, содержащееся в этом совете.

С одной стороны, мы говорили, что истинными причинами войн были уже не амбиции царей, а капитализм и государство. «Пока существуют капитализм и государство», — говорили мы, — «у нас будут войны: они являются неизбежными, фатальными последствиями обоих. И капитализм, и государство могут быть разрушены только путем основательной революции. Возможно, даже потребуются несколько революций, чтобы довершить это разрушение».

А затем, с другой стороны было заявлено что, как только правительства намерены начать войну, достаточно рабочими разных стран договориться об объявлении всеобщей забастовки — и войны станут невозможными!

Дело дошло до того: в одном предложении было сказано, что войны являются необходимым следствием капитализма и государства; а следующее предложение: «Хотя мы еще не избавились от капитализма и государства, мы можем предотвратить войну всеобщей забастовкой!»

Это было явное противоречие. Либо Капитализм и Государство не являются причинами войн, либо войны не могут быть предотвращены всеобщей забастовкой. Если

бы международная (анти)военная забастовка была возможна в момент объявления войны, это означало бы, что международная социальная революция уже созрела.

Помните, что в то же время в каждой стране было очень большое число социалистов — социал-демократов, которые в соответствии с марксистским учением проповедовали рабочим, что отмена капитализма невозможна до того, как капитализм достигнет такого развития, что его постоянно растущие и всепоглощающие силы будут сосредоточены в нескольких руках после уничтожения мелких капиталистов и мелких производств. Из этого утверждения было даже выведено, что великие государства должны поглотить все более мелкие государства. Нам сказали, что это правильный путь к интернационализму.

Некоторые из нас пытались доказать, насколько ложным было такое учение, но миллионы рабочих, будучи ослеплены наукообразным проявлением этого учения, распространяли его в Германии, Австрии и даже во Франции и Италии. Как могли эти миллионы (даже вопреки их «патриотизму») присоединиться ко всеобщей забастовке, которая помешала бы росту капитализма в их стране? Все, наоборот, побудит рабочих поддержать своих капиталистов в расширении власти над новыми странами, в сверхобогащении и в превращении государства, к которому они принадлежат, во всемогущее государство.

Вот почему (как я уже говорил пару недель назад в письме для русской газеты) я начал десять или двенадцать лет назад предупреждать своих французских друзей, что они лелеют опасную иллюзию. Всеобщая забастовка, чтобы быть эффективной, должна быть начата двумя народами, которые собираются сражаться. Но в случае франко-германской войны не было ни малейшего шанса. Немецкие социал-демократы даже на мгновение не подумали бы об отказе от мобилизации или о неприсоединении к мобилизации; и в таком состоянии даже один единственный день военного удара по Франции означал бы потерю провинции, дар сотни тысяч человек немцам и добавление тысячи миллионов франков к возмещению. Ни один здравомыслящий человек во Франции не присоединится к забастовке.

Так и случилось на самом деле.

Поэтому мы должны иметь смелость признать, что до тех пор, пока преобладают нынешние экономические условия, будут существовать страны, в которых не только капиталистические и военные классы, но и рабочие продолжают считать, что войны ради завоевания других богатых стран и ради завоевания отсталых в промышленном развитии народов являются подходящими средствами для обогащения целой нации.

При этом возникает вопрос: как вести антимилитаристскую пропаганду?

Ответ очевиден: агитация должна быть дополнена обещанием прямого действия. Антимилитарист никогда не должен заниматься антимилитаристской агитацией, не приняв для самого себя торжественной клятвы о том, что в случае начала войны, несмотря на все усилия по ее предотвращению, он в полной мере окажет деятельную поддержку той стране, которая будет захвачена соседом, кем бы он ни был. Потому что, если антимилитаристы остаются простыми наблюдателями на войне, они своим бездействием поддерживают захватчиков; они помогают им сделать рабами покоренное население; они помогают захватчикам стать еще сильнее и стать еще более серьезным препятствием для социальной революции в будущем.

Каким образом каждый человек будет оказывать помощь захваченной нации, это, конечно, зависит от индивидуального темперамента. Тот, кто склонен к риторике, не станет воином, и наоборот. Но мужчины и женщины самых разных способностей найдут возможность для применения своих сил во время войны. Действительно, не следует забывать, что на каждый миллион мужчин, сражающихся на линии фронта, приходится как минимум вдвое, если не втрое больше мужчин и женщин, занятых поддержкой армий, производством и транспортировкой снаряжения и боеприпасов, уходом за ранеными, заботой о семьях солдат и обеспечение продовольствием населения, остающегося дома. Давайте упомянем лишь, как дети и старики во французских и русских деревнях работают сейчас на вспашке и посеве полей вместо тех, кто сейчас воюет в армии; насколько велико число мужчин и женщин, занятых в этой стране свободно организованной работой, чтобы помочь нации пережить войну; или давайте вспомним огромную недавно созданную организацию Земского Союза (районные советы), которая только сейчас готовится оказать помощь 750 000 раненых, привезенных в Москву для дальнейшего распределения по губерниям; Земский Союз прекрасно справляется с этой задачей, потому что организован по свободному согласию и не зависит от Петербургской бюрократии.

Неизбежно возникает вопрос: «Что делать, если страна, которая вторгается на территорию другой страны, сама захвачена третьей страной?» Но это только диалектическое утверждение. Каждый честный человек, если он только уделит внимание тому, что происходит в мире, легко найдет ответ. Он всегда будет знать в каждом конкретном случае, кто настоящий захватчик, и чьему вторжению нужно противостоять. Вот почему каждый, кто обращал внимание на то, что происходит в Европе после войны 1870 года, и особенно в течение последних двадцати лет, прекрасно знает, что агрессором в этой войне является Германия. И те, кто не знал этого два месяца назад, должны увидеть это сейчас, когда узнают, насколько тщательно готовилось вторжение.

Конечно, миллионы немцев не согласятся с тем, что их отечество было агрессором. В течение сорока лет их учили так думать. Но чья это вина? Разве мы в значительной степени не виноваты, если антимилитаризм до сих пор распространялся в общих чертах, не рассматривая конкретные причины, которые привели к этой войне? Когда наши товарищи проповедовали о том, что нынешние границы государств должны оставаться такими, какие они есть сейчас, и что не нужно вести войну, чтобы изменить их, они совершили, я должен сказать, непростительную ошибку. Они слишком легкомысленно взялись за дело. Они отказались входить в рассмотрение вопросов меньших угнетенных национальностей; они не хотели исследовать реальные условия укоренившихся лагерей, таких как Мец, Мазурские озера и т.п., построенных немцами для нападения на своих соседей и которые должны быть демонтированы, если Европа хочет мира; они отказались учитывать вассальные условия, в которых находились небольшие страны, такие как Бельгия или Сербия, по отношению к своим могущественным соседям. Они сказали: «Это политика!», — и это их аргумент, что бы обходить тему стороной.

В результате — мы видим это сейчас — огромные массы рабочих приняли учение своих средних классов. Немецкие рабочие начали в свою очередь, как и их буржуазные эксплуататоры, говорить о необходимости завоевания огромных терри-

торий на Востоке для отправки туда излишков населения; они говорили о колониях, разыскиваемых для обогащения немецкой нации; они говорили о бесчестности Франции и Британии, которые уже захватили все самые богатые колонии и ничего не оставили бедным немцам; и очень немногие были теми, кто рискнул время от времени говорить, что есть и немецкие колонии, достойные колонизации немецкими эмигрантами, или что внутренняя колонизация провинции Позен немецкими поселенцами была злой штукой. А тем временем социал-демократическая пресса распространяла идею о великом, мощном капитализме, являющемся необходимым условием наступления эры социализма.

Постепенно рабочие, причем не только в Германии, но и во всех индустриальных странах, стали впадать в подобные заблуждения. Когда началась англо-бурская война, многие британские рабочие одобрили завоевание; они начали протестовать против него, только когда их чувство честной игры было оскорблено тем, как велась война.

Широкие слои итальянской нации поначалу были в восторге от ограбления экспедиции в Триполи, — еще одно следствие недостаточного знания реальных причин войн.

И если представители социал-демократии в Германском Рейхстаге проголосовали за несколько дней до начала войны 100 голосами против 14, правительство запросило для войны огромные суммы денег, это снова результат невежества, в котором пребывали массы всех наций, даже лидеры передовых партий, держась в стороне от реальных причин подготовки к этой войне. Теперь они говорят, что проголосовали за эти деньги, потому что им, дескать не сказали о намерении военного вторжения в Бельгию. (Нет хуже неучей, чем неучи с амбициями.)

Нет ни малейшего сомнения в том, что, если бы антимилитаристы, из числа наиболее осведомлённые в данных вопросах, своими совместными действиями выработали здравое мнение о международных проблемах того времени, и если бы эти мнения были представлены для тщательного обсуждения на международных конгрессах без пробуждения национальной ненависти и ревности; такая дискуссия создала бы сильное интернациональное антимилитаристское чувство. Вполне возможно, что это чувство не было бы достаточно сильным, чтобы предотвратить настоящую войну; но каждому стало бы очевидно кто есть захватчик, и стало бы понятно, что при военном вторжении каждый обязан принять сторону против захватчиков и всевозможными способами помогать тем, кто намерен защитить свои поля и свои города. Было бы меньше теоретических дискуссий и больше действий.

Имеются ещё несколько вопросов, которые полезно обсудить в этой связи, но их придется отложить для другой статьи.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пётр Кропоткин
Антимилитаризм. Был ли он ясно понят?
Ноябрь 1914 года.

"Freedom." — Vol. 28, № 307, Nov. P. 82–83.

ru.anarchistlibraries.net